

Йен Сяо понизил голос, его лицо стало еще серьезнее: «Мастер просил узнать, хорошо ли охраняется Небесная Печать на Внутренней горе Пика Большого Бамбука».

Лицо Тянь Болиса потемнело, он поднялся во весь рост и уставился на Йена Сяо. Тот тоже медленно встал, даже отступил на шаг назад. Тянь Болис долго смотрел на него, его лицо постоянно изменялось. Сначала на нем отразилось удивление, затем он словно погрузился в размышления, и только потом его глаза ярко сверкнули и Тянь Болис, глядя на Йена Сяо, сказал: «Очевидно, Главный Мастер действительно решил в будущем передать тебе место главы Пика Вдовы».

Йен Сяо слегка склонил голову. «Что вы, Мастер, я не достоин».

Тянь Болис просто продолжил: «Если уж он даже об этом тебе рассказал, тут уже все ясно. Ладно, это не мое дело. А что касается Небесной Печати...» он вдруг задумался на минуту, «Это очень важное дело, от которого зависит судьба нашего клана. Сам Мастер Айне Нефритовый Лист завещал, что ни в коем случае нельзя использовать Небесную Печать без крайней необходимости».

Он глубоко вздохнул. «Главный Мастер должен это понимать. Я только хочу спросить... он хорошо подумал?»

Лицо Йена Сяо было очень серьезным, он помолчал немного и лишь затем сказал, боясь ошибиться хоть в одном слове: «Да, перед тем как отправить меня к Вам, Мастер очень серьезно все мне объяснил».

Тянь Болис помолчал еще немного, затем произнес: «А кроме Пика Большого Бамбука и Пика Вдовы? Другие Небесные Печати в целости и сохранности?»

Йен Сяо чуть повысил голос: «Об этом Мастер пока не узнал, поскольку он считает Ваше мнение самым важным и мудрым, так что сначала послал меня посоветоваться с Вами. Что касается других Пиков, я отправлюсь туда чуть позднее».

Тянь Болис кивнул и снова сел на место. Через минуту он со вздохом произнес: «Если говорить о сложившейся ситуации... все действительно слишком серьезно. Судьба мира зависит от этой битвы, и если Мастер Шен Доул хочет сражаться в полную силу, я не могу поспорить. Только передай ему от меня кое-что, когда вернешься».

Йен Сяо уважительно сказал: «Конечно, говорите, Мастер, я все передам».

Тянь Болис со слегка бледным лицом произнес: "При уничтожении Печати из Айне вырвется сила невероятной мощи. И даже сила Убийцы Богов не сможет ее сдержать. Эта ужасная сила будет разрушать все на своем пути, и первым делом она обрушится на человека, в руках

которого будет сам Убийца Богов. Потери от такого удара могут быть слишком серьезными. Конечно, Шен Доул очень сильный маг. Но все же ему не стоит недооценивать древнее заклинание. Я прошу его еще несколько раз все хорошо обдумать, чтобы избежать неверного решения».

Йен Сяо серьезно ответил: «Слушаюсь, Мастер. Я все передам», он немного подумал, затем добавил: «Так... если Мастер Тянь больше ничего не хочет добавить, я хотел бы откланяться».

Тянь Болис кивнул и ничего не сказал. Йен Сяо, с прежней серьезностью на лице, медленно покинул зал.

В Зале Тишины снова остался один Тянь Болис. Он медленно развернулся и подошел к алтарю с табличками, на которых были написаны имена прежних Мастеров Пика Большого Бамбука. Его лицо было задумчивым. Подумав немного, он тяжело вздохнул. Но в конце концов все же ничего не сказал.

Когда Йен Сяо вернулся на Пик Вдовы, солнце уже зашло за горизонт. Пик был освещен огнями, сейчас в Айне было намного больше людей, чем обычно, а на Пике Вдовы было больше всего гостей и учеников. Казалось, сейчас это было самое людное место в Поднебесной.

Однако Йен Сяо думал не об этом. Он сразу же направился в Хрустальный Зал, попросил об аудиенции с Мастером Шен Доулом, и затем сразу же вошел во Внутренние покои.

Он немного постоял перед дверью в комнату, где его ждал Шен Доул, успокоился, и только хотел постучать, как вдруг из-за двери раздался голос Мастера: «Йен, это ты? Можешь войти».

Йен Сяо вздрогнул и тут же уважительно ответил: «Слушаюсь». Затем он осторожно открыл дверь и вошел.

Комната была очень просторной, но здесь все было заставлено книгами. И кроме простого стола, стульев и кровати здесь ничего не было. Древние книги занимали все свободное пространство, они лежали повсюду, и было видно, что хозяин комнаты не раз их читал.

Шен Доул сидел за столом, держа в руках еще один древний том. Он был погружен в чтение, но когда Йен Сяо вошел, он улыбнулся. «Ты только вернулся?»

Йен Сяо поклонился ему. «Да, Мастер».

Шен Доул кивнул. «Ну, каков результат?»

Йен Сяо начал говорить: «Все семеро Мастеров согласны, они считают Ваше мнение непререкаемым. Только Тянь Болис с Пика Большого Бамбука...»

Шен Доул нахмурился. «Что? Брат Тянь думает иначе?»

Йен Сяо покачал головой. «Не совсем, он тоже не стал возражать. Но только... он просил меня передать Вам его слова».

Шен Доул спросил: «Что он передал, говори».

Йен Сяо пересказал Шен Доулу все слова Тянь Болиса. Шен Доул слушал молча, и Йен Сяо увидел, что его лицо стало серьезным. Словно он задумался о чем-то очень важном.

И когда Йен Сяо начал гадать, о чем думает Шен Доул, Мастер вдруг сказал: «Йен, что ты думаешь о Мастере Тянь Болисе?»

Йен Сяо удивленно вздрогнул, не понимая, что имеет в виду Шен Доул. Он посмотрел на Мастера, но ничего особенного не заметил и осторожно произнес: «Хм, я считаю, что Мастер Тянь... очень хороший человек».

Шен Доул рассмеялся. Очевидно, он не ожидал других слов от ученика. «Да уж! Он не плох, хэ-хэ, и ведь никто не мог предугадать, что из обычного, ничем не примечательного парня, получится такой Мастер!»

Он вдруг замолчал, и комната погрузилась в тишину. Йен Сяо слегка поежился, почувствовав себя неудобно.

Через мгновение Шен Доул сказал: «Ты весь день выполнял мои поручения, наверняка устал. Возвращайся к себе, отдохни».

Йен Сяо кивнул, поклонился и медленно покинул комнату.

Шен Доул проводил его взглядом и вздохнул. Затем он посмотрел в окно на ночное небо, медленно поднялся и тоже вышел. Очень скоро его силуэт скрылся в ночи гор Айне.

Это была уже глубокая ночь, но на Внутренней горе Айне, в Зале Поклонения Предкам все еще горел свет. Старик, охраняющий это место, еще не спал. Он стоял у стола с табличками предков и смотрел на имена, высеченные на дереве и камне.

Где-то вдалеке запели сверчки.

В ночи, казалось, можно было услышать стук чьего-то сердца.

Подул ветер, и огоньки благовоний задрожали от его дуновения. Старик медленно развернулся, подошел к одной свече и заслонил ее от ветра. Очень быстро огонь свечи успокоился. Старик смотрел на огонь, и казалось, в глубине его глаз тоже горит пламя.

В ночи вдруг раздался звук шагов. Старик нахмурился и прислушался к шагам. Затем он медленно развернулся и медленно произнес: «Не думал, что в такое позднее время ты придешь сюда».

Из темноты появился силуэт Шен Доула, он вошел в Зал Поклонения Предкам.

В тусклом свете свечей их взгляды встретились, и казалось, что остановилось время. Они оба вдруг заметили, как постарел этот человек напротив. И тут же подумали, неужели я сам такой же старый?

Шен Доул немного помолчал, глядя на старика, затем медленно подошел к столу и склонился перед табличками с именами предков Айне. Старик стоял за его спиной, так же ни слова не говоря.

В ночи от благовоний поднимался невидимый дым, словно следы навсегда ушедших дней. На лице Шен Доула не было никакого выражения, он подошел к столу с благовониями, взял несколько палочек обеими руками и поставил перед табличками предков, уважительно склонив голову. Затем он отошел назад и снова внимательно осмотрел таблички с именами.

Дым растворялся в воздухе, огни благовоний смотрели на старого Мастера своими холодными глазами.

«Молишься посреди ночи, случилось что-то?» Позади Шен Доула раздался голос старика, словно он говорил о чем-то обыкновенном.

Шен Доул не повернулся, все еще глядя на огни перед собой. Через миг он медленно ответил: «Скажи, когда мы умрем и наши потомки придут поклониться нам, что они будут думать?»

Старик только фыркнул. «Ты уж точно не останешься без поклонов и уважительных речей. А я что... не уж то найдется кто-то, кто меня вспомнит?»

Шен Доул не обратил внимания на резкость в словах старика, он лишь слегка улыбнулся. Потом он спокойно сказал: «Нам предстоит большая битва, судьба мира зависит от нас. Оборотни приближаются. Как только я начинаю думать о том, сколько жизней будет за нашими спинами, я не могу спокойно уснуть».

Старик нахмурился. «Ты что, жаловаться мне пришел? Я тебе не родная мать».

Шен Доул посмотрел на старика и вдруг усмехнулся. Затем со вздохом сказал: «Мы столько сотен лет знакомы, и в мире нет человека, который знает меня лучше, чем ты».

Старик покачал головой. «Знает тебя? Если бы это было так, я бы не подметал полы на задворках Айне. Ладно, хватит болтать ерунду, зачем ты пришел?»

Шен Доул, очевидно, очень ценил мнение этого старика, раз стерпел несколько нападок в свой адрес. Его лицо тут же стало серьезным, он сказал, понизив голос: «Я принял решение. Эта битва слишком важна для нас и для всей Поднебесной. Я собираюсь вскрыть Небесную Печать».

Старик вдруг застыл и хмуро посмотрел на Шен Доула. Тот не отвел взгляда. Через несколько секунд старик произнес: «Ты действительно хорошо подумал?»

Шен Доул кивнул. «Кроме того, я уже разослал известие по остальным Пикам. Тянь Болис передал мне только одно – чтобы я был осторожен с разрушительной силой Печати».

Старик холодно усмехнулся, повернувшись к табличками с именами предков. «Ты ведь входил в Лунную Обитель, сам знаешь, что там внутри». Его голос вдруг стал мягче, словно он смирился с решением Шен Доула: «Делай как знаешь».

Шен Доул ничего не ответил, а просто поднял голову и посмотрел в темноту. Казалось, она ответила ему беззвучной ледяной усмешкой.

Через семь дней все вокруг Айне только и говорили, что о нашествии монстров. На сотни ли вокруг городка Хэян собирались люди, бегущие от напасти. Словно во всем мире только горы Айне могли подарить им надежду на спасение и ощущение безопасности.

И в этом океане людей Хэян был самым населенным местом. Вокруг были толпы народу, все таверны и гостиницы были заполнены уже давно, так что людям уже негде было селиться. С пропитанием было непросто, но к счастью, рядом была река, и воды хватало на всех.

Казалось, что в такой шумной обстановке было трудно избежать столкновений и драк, и на самом деле то и дело ходили слухи, что кто-то пропал и его нашли мертвым. Но маги Айне были готовы к такому, и ученики Пиков Айне постоянно находились в городе, чтобы охранять спокойствие беженцев. Поэтому ничего страшного не случилось.

Только лишь слухи о приближающейся армии оборотней приходили постоянно. Никто не мог сказать, наступит ли завтрашний день. Поэтому атмосфера в Хэяне была напряженной, люди паниковали.

И конечно, именно сюда направились путешественники Джосан, Хон и Синистра. Увидев огромное скопление людей, Хон и Джосан просто обомлели, только Синистра был как всегда спокоен.

Благодаря тому, что Синистра выглядел опасным и сильным, они могли пробираться через эту толпу безбоязненно. Увидев лицо Синистры, даже самые грозные прохожие не решались преграждать ему дорогу. Джосан и Хон везде следовали за ним, пробираясь вперед. И все же им было не слишком просто наконец добраться до небольшой речной бухты внутри города.

Здесь сейчас тоже было очень много людей, но по сравнению с оживленными улицами все же можно было спокойно остановиться и отдышаться. Джосан тут же разразился руганью, он был очень сердит на всех тех, кто спасал свою жизнь так же, как и он.

Эта бухта была очень длинной и дорога все время сворачивала. Людей становилось все меньше, и когда они шли уже около часа, наконец, впереди показался конец бухты. Здесь находился небольшой сарай, людей по близости не было, по той простой причине, что это место было совсем запущенным.

Дверь сарая была старой и сломанной, половина ее была сорвана с петель, а другой створки не было вовсе. Может быть, кто-то забрал ее, чтобы развести костер...

Джосан, поглядев на сарай, покачал головой и вздохнул. Хон, стоящая рядом, тихо позвала: «Дедушка».

Синистра не понимал их настроения, он вообще давно привык к таким местам, но только вот почему Джосан и Хон пришли именно сюда?

Джосан, немного подумав, произнес: «Пойдем! Все-таки там немного спокойнее».

Договорив, он пошел вперед, Хон и Синистра последовали за ним. Когда они вошли, то увидели, что небольшой дворик перед сараем весь зарос травой, и повсюду валялись щепки, посреди которых иногда виднелось что-то белое. Лицо Хон побледнело, она невольно удержала Джосана за рукав.

Джосан лишь посмотрел на нее, потом тихо успокоил: «Ты ведь не впервые здесь, чего боишься? Здесь живет дух твоего отца, неужели это место причинит нам вред?»

Хон кивнула, ей стало чуть лучше. Синистра, услышав это, нахмурился, но ничего не сказал.

Впереди была дверь сарая. Джосан пошел первым, увидев, что она покрыта пылью. Неизвестно, сколько времени сюда никто не приходил. Он промолчал, и только покачал головой. Затем со вздохом толкнул дверь.

Раздался неприятный скрип, и изнутри запахло гнилью и плесенью. В свете сумерек можно было разглядеть три каких-то ящика, крышки которых лежали на полу.

Время, казалось, обратилось вспять в этой маленькой комнате. Джосан без всякого выражения оглядел все вокруг и медленно вошел внутрь. Не глядя на ящики, он подошел прямо к небольшому столику для поклонения предкам, где стояли несколько табличек с именами.

В комнате было тихо, никто не решался ничего говорить. Джосан протянул руку и взял таблички со стола, стерев с них толстый слой пыли. Он смотрел на них и откладывал в сторону одну за другой, продолжая что-то искать. Очистив седьмую табличку, он увидел написанное на ней имя «Любимый сын, Джосин Юнь».

Джосан остановился и молча посмотрел на надпись. Он стоял так, пока к нему не подошла Хон, которая посмотрела на табличку и тихо сказала: «Дедушка, давай поставим папину табличку».

Ее глаза были влажными.

Джосан вздохнул, его взгляд был холодным, он молча кивнул. Хон взяла табличку из его рук и осторожно поставила на столик. Сложив руки в молитве, она уважительно поклонилась и тихо произнесла: «Папа, мы с дедушкой пришли тебя проводить. Все эти годы ты охранял нас с небес, и хотя мы скитаемся по Поднебесной, у нас все хорошо. Сегодня мы вернулись сюда немного прибраться, надеюсь, ты не сердишься на нас».

Договорив, она снова трижды поклонилась.

Синистра стоял позади них, затем вдруг тоже подошел и поклонился табличке три раза. Джосан и Хон удивленно посмотрели на него, и Хон спросила: «Синистра, ты...»

Синистра, не глядя на Джосана, ответил: «Хотя он был твоим отцом, а не моим, я все равно могу считать его своим предком. Поэтому я тоже должен поклониться его духу».

Хон с пониманием кивнула. «Спасибо, Синистра». Она повернулась к табличке и сказала: «Папа, это Синистра, он очень хороший, он не раз помогал нам с дедушкой».

Джосан рядом с ней недовольно фыркнул. «Если он хороший, то я в таком случае бессмертный...»

Синистра опустил взгляд, стараясь не смотреть на Джосана, но Хон сердито обернулась и сказала: «Дедушка, ну что ты такое говоришь!»

Джосан только закатил глаза и отвернулся. Синистра с благодарностью посмотрел на Хон, и только хотел что-то сказать, как вдруг резко дернулся и обернулся. Хон и Джосан, почувствовав неладное, одновременно посмотрели на дверь в комнату.

В пустынном и тихом сарае, как раз у входа в комнату, откуда-то появился силуэт человека в черной одежде. Его лицо было замотано черной тканью, и нельзя было увидеть даже его глаз. Когда Джосан и Хон с Синистрой пришли сюда, в сарае стало немного теплее от присутствия людей, но с появлением этого человека в воздухе повис леденящий холод.

Лицо Синистры резко изменилось, он закусил губу и только смог проговорить: «Призрачный Господин...»